

что это позволит переформулировать те проблемы, которые остались нерешенными в блестящих философских проектах Гуссерля и Хайдеггера.

Авторы намеревались показать, что *живая* философия, оставаясь, по сути, трансцендентальной, отчетливо видит собственный постметафизический изгиб. Она не собирается уклоняться от тематики чрезвычайного положения человека в политике и бытии, неимоверного возрастания насилия над человеком, задавленным пост-исторической судьбой (бескомпромиссным и буквально демоническим крушением идеалов свободы, любви, дружбы, красоты, гуманизма), гибридизации культурных и постантропологических форм. Философия не может и не должна быть маргинальной областью научных, социологических, экономических, политических и прочих исследований, не должна превращаться в набор практических умений. А должна выполнять свою прямую обязанность — искать и находить человеческое в человеке.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. — М.: Академический Проект, 2009.
2. Черняк Л.С. Вечность и время — М.; СПб.: Нестор-стория, 2012.
3. Румянцев О.К. Воспроизведение и конструирование в европейской мысли // Метаморфозы разума в европейской культуре. — М.: Прогресс-Традиция, 2010.
4. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. — Минск: Логвинов, 2004.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — М.: Весь Мир, 2003.
6. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011.
7. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей. — М.: РГГУ, 2012.
8. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010.
9. Ваттимо Дж. После христианства. — М.: Три квадрата, 2007.
10. Аристотель. Метафизика. — М.: Эксмо, 2006.
11. Самсонов фон Э. Тело, машина и искусство // Хора. — 2010 — № 1/2 (11/12).
12. Агамбен Дж. Открытое. — М.: РГГУ, 2012.
13. Черняк Л.С. Часть I Начала телеологии культуры // Метаморфозы разума в европейской культуре. — М.: Прогресс-Традиция, 2010.
14. Черняк Л.С. Внезаходимость в диалогике: самодетерминация мысли и детерминации немые // Владимир Соломонович Библер. — М.: РОССПЭН, 2009.
15. Хайдеггер М. Бытие и время — М.: Ad marginem, 1977.
16. Черняк Л.С. Из личной переписки.
17. Чебанов С.В., Сопиков А.П., Ковалева М.К. Предпроектное изучение возрастных особенностей учащихся 6—17 лет с целью оптимизации учебного процесса в массовой средней школе. Отчет по договору для Московского института развития образовательных систем. 1992 (рукопись).
18. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии — СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

УДК 130.2
ББК 87.0

Д.А. СЕВОСТЬЯНОВ

ИНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Осуществлен философский анализ инверсивных отношений в социуме. Описываются инверсии элементов в социальной иерархии; постулируется противостояние ордера и инверсии. Ордер представляет собой упорядоченную социально-экономическую иерархию. Инверсия, напротив, предусматривает функциональный переворот соподчиненных элементов (субъектов). Утверждается, что накопление и развитие инверсивных социально-экономических отношений приводит к общественным потрясениям. В этой связи изучение инверсивных отношений имеет не только социальное, но и широкое философское значение.

Ключевые слова: социальная стратификация, иерархическая система, ордер, инверсия.

Иерархическая схема общественного устройства отражает, прежде всего, отношения неравенства. Экономические отношения составляют одну из основополагающих сторон социального неравенства. Вместе с тем, это отнюдь не единственная форма неравенства среди людей. Анализ экономических отношений

неизбежно приводит нас к необходимости исследований социальной стратификации, поскольку эта последняя составляет для таких отношений важнейшее реальное выражение.

Обычно исследования социальной иерархии находят целиком в рамках социологического дискурса. Од-

нако социальная стратификация представляет собой хотя и весьма важный, но все-таки частный пример отношений в иерархических системах в целом. При этом социальные иерархии, вероятно, относятся к самым значительным для нас иерархическим системам. К тому же они позволяют наиболее наглядно раскрывать общие закономерности строения и функционирования любых иерархий. Таким образом, данный вопрос должен рассматриваться на другом, более высоком уровне обобщения — это системный подход, восходящий к философскому осмыслению иерархических отношений.

Экономические отношения составляют существенную сторону функционирования социальных систем, и потому они неоднократно становились объектом системного анализа. И более того: экономические и производственные отношения в социальных системах фактически являют собой ту базу, на которой и развивался современный системный подход. Однако некоторые системные свойства социума до последнего времени не получали должного освещения в литературе. Речь идет об особой форме отношений в иерархических системах, а именно — об инверсивных отношениях.

Инверсия в иерархической системе возникает, когда нижележащий элемент в иерархии фактически приобретает в ней главенствующее значение, хотя формально продолжает занимать свое прежнюю, невысокую позицию. Способность к образованию инверсивных отношений — универсальное свойство иерархических систем, проявляющееся, однако, только при определенных условиях; в социальных иерархиях такие отношения приобретают особое значение, а вместе с тем и особую наглядность. Поэтому исследование инверсий в социальных иерархиях имеет значение, выходящее за пределы данной предметной области; в ходе исследований социальных инверсий появляется возможность изучать общие закономерности инверсивных отношений, которые в других предметных областях могут быть порой представлены лишь в неявной, скрытой форме.

Отношения в иерархии, противоположные инверсии (то есть подразумевающие ее отсутствие), воспринимаются как обычные, изначально присущие данной системе; они самоочевидны для нас и становятся в первую очередь объектом исследовательского внимания. Ввиду этой очевидности такие отношения, как правило, никак специально не обозначаются, хотя в некоторых источниках их именуют отношениями *ордера* [1; 2]. Так они будут обозначаться и в этой статье.

Эвристическое и прогностическое значение анализа инверсивных отношений весьма велико. Дело в том, что развитие инверсивных отношений в социальной системе — важнейший фактор, образующий внутреннюю динамику этой системы. По мере накопления и развития инверсивных отношений система приближается к своему закату. Преобладание инверсивных отношений над отношениями *ордера* означает, что системе угрожает гибель или, во всяком случае, коренная трансформация.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, инверсивные отношения в иерархических системах не получали до настоящего времени должного освещения. Единственный заслуживающий упоминания источник, в котором всерьез обсуждаются такие отношения (именно на системном уровне) — это труды Томаса Саати (США) [3]; но и этот автор отводил инверсивным отношениям лишь второстепенную роль.

Разрастание инверсивных отношений в обществе предполагает, что наличная ситуация будет трактоваться как отсутствие социальной справедливости, которая, будучи «трансцендентальной иллюзией» [4], обладает, тем не менее, способностью приводить в движение человеческие массы. Л.Г. Ионин на основании весьма серьезных наблюдений проводит простую мысль: даже при наличии *объективного* неравенства *социальное* неравенство (как причина для внутренней активности в обществе) не существует, пока оно не осознано [5]. Осознание же социального неравенства представляет собой не что иное, как факт проявления инверсивных отношений (противоречий) в общественной иерархии.

Инверсии возникают при определенных условиях, порождающихся сочетанием организационных принципов в иерархии. Организационные принципы составляют основание, по которому каждый элемент занимает ту или иную конкретную позицию в иерархии.

Вне зависимости от частных условий, организационные принципы могут быть подразделены на *сущностные* и *атрибутивные*. Сущностный принцип основывается на наличии у соподчиняющихся элементов некоторого неотъемлемого, постоянного свойства (например, у одних таких элементов данное свойство может иметься в наличии, у других — нет, и это обуславливает положение элемента в иерархии). Атрибутивный принцип, напротив, основан на наличии у иерархических элементов некоторого внешнего, непостоянного, присоединенного качества, изменение которого не меняет сущности соподчиненных элементов.

Организационные принципы редко проявляются в одиночку. Обыкновенно в каждой системе действует одновременно несколько принципов. Рассмотрим их возможные сочетания.

Инверсивные отношения не могут возникнуть в иерархии, в которой действуют одни только сущностные принципы; такая система вообще лишена какой-либо внутренней активности. Наличие в системе одновременно сущностных и атрибутивных принципов, напротив, составляет оптимальный вариант для развития инверсивных отношений: сущностный принцип играет роль точки опоры, а самое инверсивное действие обыкновенно совершается посредством атрибутивного принципа. Если в иерархии сочетаются несколько атрибутивных принципов, то и в этом случае возможно развитие инверсивных отношений.

Необходимо отметить, что инверсии — не единственный вид активности, проявляемой внутри системы; элементы в иерархии способны перемещаться вверх и вниз, с

«Я вижу в человеческом роде два вида неравенства: одно, которое я называю естественным или физическим, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством условным или политическим, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей»

Ж.-Ж. Руссо

ству) и так же может быть утрачена.

Кроме того, в социальной иерархии действуют и сущностные принципы. К сущностным принципам, в частности, относится *сословный* — принадлежность к определенному сословию (например, дворянскому) определяется по праву

одной позиции на другую, но инверсивных отношений при этом не возникает. Однако такие перемещения способны сочетаться с инверсивными отношениями, порождая особые пути изменения системы.

Кроме обозначенной здесь (и наиболее распространенной) формы инверсивных отношений, имеется и другая, парадоксальная их форма. В этом случае источником инверсивных отношений становится не атрибутивный, а сущностный организационный принцип; атрибутивный же принцип, напротив, способствует тому, чтобы данный элемент пока еще оставался на своей прежней, подчиненной иерархической позиции. Если в результате разрешения обычной инверсии система, как правило, гибнет и разрушается, то разрешение парадоксальной инверсии создает толчок для дальнейшего поступательного развития системы. Именно этим путем, в частности в живой природе, шло развитие активности, приведшее в высших формах к формированию человеческого мышления. Действует данное правило и в социальных системах.

Характер организационных принципов в иерархической системе зависит от свойств соподчиняющихся элементов; в социальной иерархии, поскольку ее элементами являются *люди*, эти принципы имеют вполне специфическую форму. Так, субъект может занимать высокую или низкую общественную позицию в зависимости от своего материального положения — тогда следует говорить о действии *имущественного* организационного принципа. Этот принцип, несомненно, атрибутивный. Любой субъект может в течение своей жизни как приобрести материальное достояние, так и утратить его. В то же время данный атрибут обладает определенной мерой стабильности — динамика изменений материального достатка отдельных членов общества доступна наблюдению и статистической оценке. Далее, субъект может иметь определенную социальную позицию, обусловленную занимаемой должностью (отправляемой социальной функцией) — например, мэр города имеет иное общественное положение, чем рядовой сотрудник небольшой фирмы и даже ее директор. В данном случае действует *функциональный* организационный принцип, который также является атрибутивным. Должность (социальная функция), как правило, не дается человеку с рождения, а присваивается (подобно богат-

рождения; в настоящее время этот принцип в значительной мере свое действие утратил. Сущностным принципом является *хронологический*; если некоторый субъект в данной социальной группе старше всех по возрасту, то он уже не сможет стать младшим (если только в группу не будет кооптирован кто-либо еще старше). В патриархальной семье действует также сущностный *генетический* принцип: высшее положение в иерархии занимает родоначальник; он не только старше всех, но и является родителем (и прародителем) всем нижестоящим субъектам.

Данный перечень принципов не является исчерпывающим и может быть дополнен. Так, субъект занимает высшую или низшую позицию в иерархии в зависимости от образования, известности, проживания в столице или в провинции. Нередко, даже при преднамеренном искусственном формировании той или иной социальной иерархии, в ней обнаруживаются неочевидные, скрытые до поры до времени организационные принципы, которые не предусматривались изначально и проявляются лишь впоследствии.

Присутствие множества организационных принципов в социальной иерархии признается давно — фактически с самого начала изучения общественной стратификации. Например, в знаменитом «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Жан-Жак Руссо писал: «Я вижу в человеческом роде два вида неравенства: одно, которое я называю естественным или физическим, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством условным или политическим, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия людей» [6, с. 70]. Уже здесь прослеживаются минимум два одновременно действующих организационных принципа в социальной иерархии. Этот вопрос подробно рассматривал Г. Зиммель [7], находит он отображение в трудах П. Сорокина [8] и Т. Парсонса (см.: [9]). Подобные же наблюдения делаются и применительно к современному обществу [10; 11; 12; 13; 14 и др.].

О.И. Шкаратан указывает, что каждый человек занимает не одно, а сразу несколько положений в обще-

стве — например, студент, молодой мужчина, сын, муж, спортсмен, и это все один человек. Для каждой из этих позиций предполагаются определенные права и обязанности. Социальный статус человека определяется множеством критериев — это может быть престиж профессии, уровень дохода, продолжительность и качество образования, объем властных полномочий, размер собственности [15, с. 44]. Более того, подобная многосложная социальная стратификация продолжает действовать даже после смерти индивидуума. Так, С.В. Филиппова в своей статье показывает, как социальная иерархия прослеживается в зависимости от участка, который занимает на кладбище тот или иной покойник. И тут, на уровне общественного мнения, проявляется отношение людей к этому неравенству: одни предлагают всех уравнять, другие — размещать погребения в зависимости от социальных заслуг усопших, а третьи согласны с тем, что лучшие места должны доставаться самым богатым. И в этом случае можно наблюдать действие различных организационных принципов [16].

Действенность организационных принципов в социальной (и всякой другой) иерархии определяется их неравной и непостоянной значимостью. Организационные принципы сами образуют иерархию (иерархию второго порядка), внутри которой отмечается собственная динамика, вызываемая, в частности, внешними воздействиями на данную систему.

Граница между сущностными и атрибутивными принципами в социальной иерархии достаточно условна. Например, как уже говорилось выше, материальное богатство есть атрибут, который может быть приобретен и утрачен; следовательно, имущественный принцип в иерархии есть принцип атрибутивный. В то же время общепринятая практика наследования имущества делает многих людей «наследственно богатыми»; и это свое состояние они могут воспринимать уже как сущностный признак. Высшее образование, ученая степень и звание — это внешние атрибуты, которые могут приобретаться или не приобретаться субъектом согласно его желанию и возможностям. Но, будучи приобретенными, эти атрибуты входят в структуру идентичности субъекта и могут уже считаться сущностными качествами. Конечно, человека можно лишить и диплома, и ученой степени, но такое случается лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Как уже упоминалось выше, сущностным качеством, отделяющим «голубую» кровь от «красной», была принадлежность к дворянскому сословию. Однако дворянский титул мог быть, например, *пожалован* за особые заслуги (так дворянами стали, например, Исаак Ньютон и Пол Маккартни). На момент обретения дворянского титула он, конечно — внешний атрибут; но затем он включается в структуру идентичности субъекта и уже не подлежит отторжению: «сэр Исаак Ньютон», «сэр Пол Маккартни».

Таким образом, рассматривая то или иное качество подчиняющегося элемента в перспективе или ретро-

спективе, мы не всегда можем достоверно сказать, относится ли оно к сущностным свойствам или к внешним атрибутам. Но на момент исследования это, как правило, вполне возможно определить.

Инверсивные отношения могут возникнуть и при отсутствии в системе сущностных организационных принципов. Для этого необходимо, чтобы атрибутивных принципов было не менее двух, а также требуется, чтобы их взаимоотношения приобрели некоторые специфические черты.

Так, проявления отдельных организационных принципов нередко связаны друг с другом. Чаще всего два атрибутивных принципа, одновременно действующие в системе, пребывают в определенной взаимной зависимости и поэтому могут называться *сцепленными*.

Например, такая сцепленность часто обнаруживается в социальной системе у *функционального* и *имущественного* принципов. Тот, кто осуществляет функции управления, обыкновенно имеет лучший материальный достаток, чем управляемые. Вышестоящая должность обычно лучше оплачивается и вообще создает благоприятные условия для личного обогащения.

Сцепленность организационных принципов изменчива и непостоянна. В одном случае проявление атрибутов одного и другого организационного принципа связано *причинной* зависимостью; в других случаях имеет место более или менее тесная *корреляционная* зависимость (в частности, когда проявление каждого из атрибутов причинно связано с проявлением некоторой общей для них обоим, но отдельной причины). Однако эта корреляция имеет разную степень выраженности. Так, например, во многих социальных иерархиях представлен *образовательный* организационный принцип, согласно которому высшую позицию в социальной иерархии занимает наиболее образованный субъект; а наряду с этим действует и *имущественный* принцип. Иногда эти два принципа могут рассматриваться как сцепленные, так как более образованный субъект имеет возможность зарабатывать больше денег (в том случае, когда умственный труд оплачивается лучше, чем физический). Иногда бывает и наоборот: в СССР представители рабочих профессий часто зарабатывали значительно больше, чем большинство дипломированных специалистов. В те годы ходила шутка: «Советский врач за сто десять рублей так поставит на ноги шахтера, что тот уже завтра пойдет заколачивать свои восемьсот».

Если в системе действуют два сцепленных атрибутивных принципа, то для того, чтобы в данной системе развились инверсивные отношения, стабильность атрибутов у этих двух принципов должна в достаточной мере различаться. Так, некоторые атрибуты легко поддаются изменениям, изменить другие очень трудно. Например, военный человек носит мундир и имеет воинскую специальность — скажем, командира боевой части подводной лодки или командира авиационной эскадрильи. И то, и другое — сцепленные внешние атрибуты. Выходя в

отставку, он должен эти атрибуты поменять. Но только из мундира в гражданскую одежду можно переодеться за две минуты, а сменить воинскую специальность на «штатскую» профессию, переучиться — более долгое и трудоемкое мероприятие.

Неравная стабильность атрибутов у двух сцепленных организационных принципов в целом составляет правило, равная их стабильность может наблюдаться только как исключение. Более того: если стабильность атрибутов у двух сцепленных организационных принципов оказывается совершенно равной, то, вероятно, здесь действуют не два, а лишь один организационный принцип, фигурирующий под разными наименованиями.

Поскольку организационные принципы обладают разной стабильностью атрибутов, то напрашивается вывод, что сущностный принцип — это тоже принцип атрибутивный, но его атрибут отличается практически абсолютной стабильностью. Например, выше указывалось, что занимаемая должность (исполняемая социальная функция) — по существу своему внешний атрибут, который подвержен изменениям. Но, например, должность монарха достается ему по наследству, является неотъемлемой частью его идентичности, и можно утверждать, что монарх занимает верховное положение в иерархии согласно сущностному принципу.

...герой известного фильма по роману Клода Тилье «Мой дядя Бенджамен» отпустил едкую остроту о том, что вот-де дворянин важничает перед ним, простым врачом; но ведь дворян-то король может наделать хоть десяток в день, однако пусть король попробует таким же способом изготовить хоть одного врача

Среди прочего, стабильность атрибута у организационного принципа зависит от того, имеет ли этот принцип соотносительный характер. Иначе говоря, имеет значение, зависит ли данный принцип от проявления некоего качества только у одного конкретного элемента (конкретного субъекта), или же этот принцип проявляется как результат *сравнения* одного элемента с другими. Например, имущественный принцип действует только в сравнении. В СССР состоятельным человеком считался владелец весьма скромного, по нынешним меркам, автомобиля отечественного производства. Однако по сравнению с хозяином роллс-ройса он показался бы нищим.

Таким образом, неизменность положения того или иного элемента в иерархии зависит не только от его собственных свойств, но и от сравнимых свойств других элементов в иерархии. Стабильность атрибута от этого существенно понижается. Например, если в социальной иерархии действует имущественный организационный принцип, то положение того или иного субъекта в социальной иерархии зависит не только от уровня его

собственного материального достатка, но и от достатка окружающих. Данный субъект может объективно богатеть, но при этом его положение в иерархии будет не повышаться, а понижаться, если окружающие оказались более оборотливыми и богатеют быстрее. И наоборот: некоторый субъект может стать самым богатым просто потому, что он сохранил свое материальное достояние неистраченным, в то время как все его соседи разорились. Таким образом, расположение элемента (субъекта) в иерархии в гораздо меньшей мере зависит от него самого, чем от окружающих.

Когда два атрибутивных принципа действуют одновременно, то один из них, обладающий более стабильным атрибутом, берет на себя функции сущностного принципа, создавая точку опоры для инверсивных отношений. Второй же принцип, обладающий менее стабильным атрибутом, по-прежнему функционирует, как атрибутивный принцип в паре с сущностным, обеспечивая возможность внутрисистемной активности. Тем самым создаются условия для возникновения и развития инверсивных отношений в иерархии.

Обратимся к примеру. Руководитель среднего звена управляет тем или иным подразделением в учреждении, поскольку назначен на эту должность высшим руководством. Он возглавляет иерархию в своем департаменте на

основании *функционального* принципа. К тому же он имеет полномочия наполнять деятельность своих подчиненных конкретным содержанием (то есть он возглавляет иерархию и на основе *содержательного* принципа). Тут эти принципы, несомненно, могут рассматриваться как сцепленные, поскольку связаны с фактом пребывания на данной должности. Назначение на должность (как и снятие с должности) может произойти моментально. А вот приобрести компетентность, позволяющую реально разбираться в вопросах деятельности своих подчиненных, — на это нужно и время и немало усилий. Таким образом, оба действующие здесь принципа — атрибутивные, но стабильность данных атрибутов сильно отличается. Применительно к этому сочетанию организационных принципов герой известного фильма по роману Клода Тилье «Мой дядя Бенджамен» отпустил едкую остроту о том, что вот-де дворянин важничает перед ним, простым врачом; но ведь дворян-то король может наделать хоть десяток в день, однако пусть король попробует таким же способом изготовить хоть одного врача!

Сочетание двух сцепленных атрибутивных принципов с *разными* направлениями векторов и с *разной* стабильностью атрибутов и порождают инверсивные отношения. Если руководитель некомпетентен в специальности сотрудников своего департамента, инверсия налицо. Фор-

мально оставаясь начальником, руководитель не может ничему научить своих подчиненных, а только понукает их. Если руководитель компетентен, инверсии не будет: векторы действия функционального и содержательного принципа совпадают. Если субъект, обладающий более высоким материальным достатком, обладает и более высоким интеллектуальным потенциалом, инверсии в данном случае нет. Если, напротив, субъекты с низким интеллектом приобретают большее материальное достояние, наблюдается инверсия.

Когда два атрибутивных принципа не могут быть названы сцепленными, в этом случае они могут создавать инверсивные отношения вне зависимости от стабильности их атрибутов, и возникновение инверсивных отношений составляет результат случайного сочетания элементов в иерархии.

Тип инверсивных отношений, обусловленный одновременным действием двух атрибутивных принципов, может развиваться не только самостоятельно, но и в сочетании с предыдущим, происходящим при противопоставлении сущностных и атрибутивных принципов в *этой же самой* иерархии.

Другими словами, если в иерархии действует хотя бы один сущностный принцип и *несколько* атрибутивных принципов, то инверсивные отношения могут порождаться в ней из противоречий:

- сущностных организационных принципов с атрибутивными;
- сцепленных атрибутивных принципов между собой. (когда стабильность присущих им атрибутов заметно различается);
- несцепленных атрибутивных принципов между собой.

При этом образовавшиеся инверсивные связи между одними и теми же элементами, имеющие притом одинаковый вектор, имеют различное смысловое наполнение, а следовательно, это *разные связи*.

Например, в некоторой коммерческой фирме директор возглавляет иерархическую структуру на основании нескольких принципов:

- хронологический (сущностный) принцип. Директор был первым сотрудником этой фирмы, поскольку сам и основал ее;
- функциональный (атрибутивный) принцип. Директор управляет фирмой как администратор;
- содержательный (атрибутивный) принцип. Директор лучше всех разбирается в производственной специфике направления деятельности своей фирмы, и поэтому определяет содержание деятельности подчиненных;
- интеллектуальный принцип. Директор считается самым высокоинтеллектуальным лицом в данной фирме (этот принцип может рассматриваться как атрибутивный, поскольку интеллект может возрастать в результате активной умственной деятельности, а может и увядать от бездействия);
- имущественный принцип. Директор, занимая высший пост в фирме, получает и самый высокий оклад.

Наименее стабильный атрибут присущ функциональному принципу. Директор в любое время, если на то будет его желание, может уйти со своего поста. Если в фирме теперь работает новый директор, то прежний все равно сохраняет статус *основателя организации* (то есть хронологический принцип продолжает действовать). Он может сохранять статус главного консультанта в своей фирме, и тогда в отношении его продолжает действовать и содержательный (атрибутивный) принцип. Но безоговорочным интеллектуальным лидером основатель организации может при этом уже и не являться: допустим, его преемник обладает не меньшим интеллектом. И должностной оклад нового директора может оказаться выше, так что и в имущественном отношении старый директор отходит на второй план. Тем самым формируется несколько форм инверсивных отношений: сразу несколько организационных принципов начинают действовать в разных направлениях. Против хронологического (сущностного) и содержательного (атрибутивного) принципа действует функциональный (атрибутивный) принцип. Против содержательного (атрибутивного) действует интеллектуальный принцип (тоже атрибутивный, но с другой степенью стабильности). Имущественный (атрибутивный) принцип действует против хронологического и содержательного. Это порождает в иерархии ряд внутренних коллизий, которые должны найти какое-либо разрешение. В реальных организациях существуют для этого специальные способы: скажем, для основателя фирмы создается некоторый постоянный, почетный, но необременительный пост: например, «президент» (в то время как действительно ответственный пост директора занимает другой человек).

Уровень социального напряжения в общественной иерархии зависит от того, насколько выраженными являются в ней инверсивные отношения, а не от одного только экономического положения или уровня материального достатка. Например, буржуазные революции во многих странах стали следствием накопившихся инверсивных отношений в результате того, что векторы действия словесного и имущественного принципов в социальной иерархии приобрели противоположные направления. Пока самое знатное и образованное сословие было одновременно самым состоятельным, инверсивные отношения, если и существовали, не приводили к сколько-нибудь значимым общественным сдвигам. Однако когда в обществе сформировались противоречия между властным и знатным, но относительно обедневшим правящим слоем и разбогатевшей, но незнатной буржуазией, тогда возникли условия для революции.

Еще один пример — переход к всеобщему школьному образованию, как источник инверсивных отношений. Так, например, во Франции эта социальная новация относится к 80-м годам XIX столетия. Несмотря на ее очевидно прогрессивный характер она вовсе не вызвала всеобщего одобрения; напротив, она угрожала немалыми проблемами. Молодые люди, получившие образование,

не желали уже ни заниматься физическим трудом, ни идти в торговлю. Их прельщала только карьера чиновника, государственного служащего. Понятно, что на всех подобных рабочих мест хватить не могло; вследствие этого возникала обширная социально не удовлетворенная прослойка молодежи, готовая, между прочим, стать движущей силой революционных потрясений. Возникло противоречие между *образовательным* организационным принципом (получивший образование молодой человек начинал чувствовать себя принадлежащим к образованной элите) и *функциональным* организационным принципом (отсутствие в рамках данной системы возможности заполучить властные полномочия). Некоторое подобие этой ситуации складывается и в современной Европе, и в современной России вследствие того, что мест в вузах сейчас уже практически столько же, сколько выпускников в школах. При этом чрезвычайно и необоснованно массовыми становятся такие профессии, как юрист, психолог, экономист. Очевидно, что очень многие молодые специалисты (бакалавры, магистры) не смогут найти работу по специальности, что также чревато социальными коллизиями.

Хотя социальные системы действуют на основании общесистемных закономерностей, у них имеется все же одно отличительное свойство: они *управляемы* (или, по крайней мере, могут быть таковыми). Если сохранение и развитие социальной системы желательно, то может быть сформулирован ряд мер, благодаря которым эта система сможет избежать печальной участи и не рухнет под тяжестью внутренних противоречий.

Как правило, если инверсивные отношения развились в некоторой системе, система адаптируется к ним и уже не может далее без них существовать — по крайней мере, в своем нынешнем облике. Поэтому ликвидация имеющихся инверсивных отношений в системе чаще всего чревата ее распадом (и с этой точки зрения инверсия может рассматриваться как стабилизирующий фактор, по той же причине, по которой стабилизирующим фактором может считаться кирпич, встроенный в основание постройки — если выдернуть его, вся конструкция рухнет). Но, как говорилось выше, развитие инверсивных отношений само по себе приводит систему к распаду и гибели.

Перечисление примеров того, как инверсивные отношения в социально-экономической иерархии находят выражение в разнообразных и подчас грозных общественных противоречиях, может быть продолжено. Но исследование инверсивных отношений важно не только в рамках данной предметной области; оно актуально везде, где объектом исследования становятся иерархические системы.

Итак, просто устранять инверсивные отношения в системе, в которой они уже имеют некоторый стаж существования и срослись с ней, — достаточно безнадежное дело. Тем не менее, управление инверсивными отношениями возможно. Не выкорчевывая инверсив-

ные связи из живого тела системы, можно предотвращать их дальнейшее развитие или хотя бы не поощрять его.

Другим способом активного воздействия на систему является поощрение развития парадоксальных инверсий. Разрешение парадоксальной инверсии состоит в том, что подчиненный ранее элемент утрачивает свой подчиненный статус и приобретает статус главенствующий; он перемещается вверх, становится выше того иерархического уровня, которому ранее был подчинен, и занимает теперь в иерархии действительно ведущие позиции. Это происходит потому, что действие атрибутивных принципов, которые ранее удерживали его в подчиненном положении, вследствие различных причин ослабевает. Перемещая некоторый элемент (или совокупность элементов) на вершину иерархии, система создает предпосылки для качественного обновления своего верхнего слоя, что является актом развития, а не регресса.

Таким образом, и парадоксальная, и «обычная» инверсии представляют собой формы внутрисистемной активности. Точно так же формами жизнедеятельности в пределах живого организма формально являются не только рост и развитие, но и процессы гниения и брожения в нем. Первое приводит к переходу на новые, качественно высшие уровни; второе является свидетельством надвигающейся кончины.

Рассмотрим, каким образом управление процессами в иерархической системе может быть представлено на примере образовательной политики. Допустим, что образовательная система представляет собой форму «социального лифта», благодаря которому любой школьник из непривилегированных слоев общества, проявив талант и трудолюбие, может подняться на верхнюю ступень социальной лестницы. В этом случае в социальные верхи попадает тот, кто действительно этого заслуживает, поскольку его местонахождение в социальных низах было обусловлено парадоксальной инверсией. Согласно интеллектуальному организационному принципу (который может считаться сущностным), данный субъект мог претендовать на высшее место в иерархии, но из-за действия имущественного (атрибутивного) принципа он вынужден был какое-то время довольствоваться низшим социальным положением. Однако значимость имущественного организационного принципа может измениться: нам, например, сейчас совершенно неинтересно, каким материальным достатком обладал М.В. Ломоносов, поскольку значимость его личности состоит вовсе не в этом. Кроме того, субъект может и поправить свои материальные обстоятельства, заработав деньги своим умом и талантом.

Возможен и другой вариант, который нередко можно наблюдать уже сегодня: изначальное разделение образования на «массовое» и «элитное». В этом случае выходцы из социальных низов, даже получая образование, не смогут войти в состав элиты, поскольку «социальные лифты»

блокированы. Такой вариант общественного развития парадоксальных инверсий уже не предполагает, зато чреват развитием других, «обычных» инверсий, которые в конце концов приведут социальную систему к гибели и распаду, если не принять специальных мер. Напомним, что в социальных системах одновременно существует несколько организационных принципов, некоторые из которых могут действовать до поры до времени неявно, скрыто и проявиться в самый неожиданный момент, создав тем самым инверсивные отношения.

Анализ инверсивных отношений в социальной иерархии позволяет:

- соотносить экономическое неравенство с другими его формами;
- прогнозировать развитие инверсивных отношений в обществе, которые чреват нежелательными социальными потрясениями;
- переносить раскрытые таким образом общие закономерности функционирования иерархических систем в другие предметные области, в которых также изучаются всевозможные иерархические системы.

Однако этот анализ, применительно к социальным системам, имеет значение только тогда, когда на его основе принимаются меры, позволяющие предотвратить катастрофические сценарии развития социальных систем и создать условия для их поступательного развития.

Список литературы

1. Аксеновская Л.С. Ордерное понимание организационной культуры // Психологический журнал. — 2009. — Т. 30. — № 4.
2. Van Der Meer J.M. Order [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.enotes.com/science-religion-encyclopedia/order>
3. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р.Г. Ванчадзе. — М.: Радио и связь, 1993.
4. Бибков А. Социальные неравенства и справедливость: реальность воображаемого (рисунки современного общества в России и Франции) // Логос. — 2007. — № 5 (62).
5. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. — 1996. — № 3.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. — М.: КАНОН-пресс, 1998.
7. Зиммель Г. Проблемы социологии. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Избранное. — Т. 2. Созерцание жизни. — М.: Юрист, 1996.
8. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: ИПЛ, 1992.
9. Корнаев А.Т. Генезис социальной стратификации как научной категории // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2007. — № 50.
10. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство // Мониторинг общественного мнения. — 2010. — № 3(97).
11. Гольденберг И.А. Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки // Социологические исследования. — 1995. — № 4.
12. Клименко В.А., Лашук И.В. Специфика стратификационного расслоения в современном белорусском обществе: региональные особенности // Вестник БНТУ. — 2009. — № 5.
13. Макеев С. Классовый анализ в современной социологии // Социология: теории, методы, маркетинг. — 2001. — № 3.
14. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г.: препринт WP7/2007/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2007.
15. Шкаратан О.И. Сущность и функции социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2009. — Т. 12. — № 3 (48).
16. Филиппова С.В. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2009. — Т. 12. — № 4 (49).